

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (КемГУ)

**СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

*I Всероссийская научно-практическая
конференции с международным участием*

17 апреля 2020 г.

Издатель:
Кемеровский государственный университет

© Авторы опубликованных
статей, 2020
© Кемеровский государственный
университет, 2020
ISBN 978-5-8353-2638-9

Об издании – [1](#), [2](#), [3](#)

Кемерово 2020

ПОПУЛИЗМ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА: К ИСТОКАМ ИЗУЧЕНИЯ

Подрезов М. В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, старший преподаватель кафедры политологии

mvpodrezov@gmail.com

Янга М. М.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, магистрант кафедры политологии

michellellanga73@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье рассматривает феномен популизма сквозь призму научных исследований, начавшихся в 1960-х гг. Делается акцент на наиболее значимых этапах изучения популизма: конференция в Лондонской школе экономики 1967 года, формирование формально-дискурсивного подхода Э. Лаклау, структурного подхода М. Кэнован. Фокус внимания в работе направлен на Латинскую Америку, которая на протяжении долго времени оставалась главным «поставщиком» популистов.

Ключевые слова: популизм, политическая идеология, политическое движение, формально-дискурсивный подход, структурный подход, Латинская Америка.

Abstract: This article examines the phenomenon of populism through the prism of scientific research that began in the 1960s. The emphasis is placed on the most significant stages in the study of populism: a conference at the London School of Economics in 1967, the formation of the formal discursive approach of E. Laclau, the structural approach of M. Canovan. The focus of attention in the work is directed to Latin America, which for a long time remained the main "supplier" of populists.

Key words: populism, political ideology, political movement, formal discursive approach, structural approach, Latin America.

В последние годы понятие «популизма» плотно вошло в обиход журналистов, академических исследователей и политиков. Причиной столь большого внимания к данному феномену стала успешность популистских практик по всему миру. Кроме того, развитие цифровых технологий позволило политикам довести «игру на народных ожиданиях» до практически идеального уровня.

Важность исследования популизма была обозначена еще в 1960-х годах, когда целый ряд видных исследователей подняли данный вопрос на научной конференции в Лондонской школе экономики (в работе принимали участие такие видные ученые как Р. Хофштадтер, Д.

Макрей, П. Уайлс, К. Миноуг и многие другие). Вышедший по ее итогам сборник статей под редакцией Г. Ионеску и Э. Геллнера [1] фактически стал отправной точкой для изучения популизма как научной единицы. Так, популизм стал рассматриваться в качестве разнородного явления, которое характерно как для новообразованных государств, так и для развитых демократических политических систем, а также коммунистических режимов. В то же время стала понятна вся сложность теоретизирования популизма, которая присуща и настоящему времени, в частности речь шла о сложности определения понятия, а также о том, что такое популизм – доктрина, движение, идеология, синдром или что-то иное?

Серьезные подвижки в теоретизировании популизма связываются с именем видного аргентинского политолога Эрнесто Лаклау, предложившего формально-дискурсивный подход для исследования феномена еще в 1970-х годах [2] и развивавшего его вплоть до середины 2000-х годов, когда вышла его известная работа «OnPopulistReason» [3]. Лаклау отводит центральное место в своей концепции следующим категориям: дискурсу, пустым символам, гегемонии и риторике [3, р. 68–71]. Он определил популизм не как определенный тип политического движения или какую-либо политическую ориентацию, а как политическую логику с присущей ей специфической чертой, а именно языком дискурса, который всегда представляется неточным и колеблющимся, а также связанным с конструированием образа «народа» [3, р. 117–121]. Генерализуя идеи Лаклау, отметим, что если некоторые социальные требования не могут быть удовлетворены действующими институтами, то они концентрируются вокруг какого-то определенного символа. Этим пользуются определенные (популистские) лидеры, которые концентрируют народные массы в коллективного субъекта, противостоящего действующему политическому режиму, то есть популизм начинается именно там, где народные элементы представлены как антагонистический вариант идеологии доминирующего блока.

Параллельно идеям Лаклау получил развитие и структурный подход, который в первую очередь связывается с именем видного британского политолога Маргарет Кэнован. В своей фундаментальной работе она предложила собственную оригинальную концепцию, выделив две «семьи» популизма: аграрную, являющуюся «ребенком сельского радикализма» [4, р. 8], включающую фермерский радикализм, крестьянские движения и интеллектуальный аграрный социализм; политическую, не базирующуюся на социально-экономических характеристиках [4, р. 9], включающую популистскую диктатуру, популистскую демократию, реакционный популизм и политиканский популизм [4, р. 13]. Это привело к тому, что феномен популизма получил максимально широкое толкование: от движений американских фермеров и русских народников до латиноамериканских диктатур и методов прямой демократии Швейцарии.

На протяжении длительного периода времени основным полем для исследования популизма оставалась Латинская Америка, которая подарила миру в послевоенный период целую плеяду политиков, построивших свою карьеру на популистских принципах. В этот период здесь получают распространение две основные теории, посредством которых объяснялся популизм. С точки зрения теории модернизации популизм представлялся как средство инклюзии в политику рабочих и среднего класса, появившихся в процессе перехода государств Латинской Америки к капитализму. На этом основываются работы Д. Кольера [5], П. Дрейка [6], Д. Германи [7]. С точки зрения теории зависимости популизм стал рассматриваться как мультиклассовое политическое движение, присущее стадии импортозамещающей индустриализации в Латинской Америке. Такой подход характерен работам Ф. Кардосо и Э. Фалетто [8], а также Г. О'Доннэлу [9]. Оба указанных подхода объединяет увязка популизма с социально-экономическими компонентами массовых политических движений, то есть рассмотрение популизма в качестве средства политической мобилизации.

По мере перехода стран Латинской Америки к неолиберальной модели, исследователи стали отмечать некоторые изменения и в характере популизма. Отличительными чертами так называемого «неопопулизма» стали: социальной основой выступает сельская беднота и городской неформальный сектор, а популизм противопоставляется неолиберализму. Данный подход раскрывается в работах К. Робертса [10], К. Вейленда [11], где популизм выступает в качестве некой политической стратегии, опираясь на которую, лидеры добиваются или осуществляют политику, при этом базируясь на прямой, непосредственной и неинституционализированной поддержке значительного количества неорганизованных последователей [12, с. 97].

По мере распространения популистских практик по всему западному миру можно отметить начало качественно новой эпохи для изучения данного феномена. Успешность популистских партий в развитых странах Западной Европы (например, «Национальный Фронт» во Франции, «Альтернатива для Германии» в ФРГ), приход ко власти популистских лидеров по всему миру (например, Уго Чавес в Венесуэле, Родриго Дутерте на Филиппинах, Дональд Трамп в США) обусловили появление россыпи работ, пытающихся найти ответ на вопрос: почему популизм стал столь успешным? В то же время развитие цифровых технологий, алгоритмов, позволяющих качественно работать с целевой аудиторией, нам подсказывают, что в ближайшей перспективе подобных примеров станет значительно больше.

Библиографическая ссылка

1. Populism: Its Meanings and National Characteristics / ed. by G. Ionescu, E. Gellner. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – 263 p.
2. Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism – Fascism – Populism. London: Verso, 1977. – 203 p.
3. Laclau E. On Populist Reason. – London: Verso, 2005. – 276 p.
4. Canovan M. Populism. – London: Junction Books, 1981. – 351 p.
5. Collier D. The bureaucratic-authoritarian model: Synthesis and priorities for future research // The new authoritarianism in Latin America. Princeton. – NJ: Princeton University Press, 1979. – Pp. 19–33.
6. Drake P. Conclusion: Requiem for populism? // Latin American Populism Comparative Perspective. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982. – Pp. 217–247.
7. Germani G. Authoritarianism, fascism and national populism. – New Brunswick; NJ: Transaction Books, 1978. – 292 p.
8. Cardoso F. H. Dependency and development in Latin America. – Berkeley: University of California Press, 1979. – 227 p.
9. O'Donnell G. Modernization and bureaucratic authoritarianism. Studies in South American politics. – Berkeley: University of California Press, 1979. – 219 p.
10. Roberts K. Neoliberalism and the transformation of populism in Latin America: The Peruvian case // World Politics. – 1995. – Vol. 48. № 1. – Pp. 82–116.
11. Weyland K. Neoliberal populism in Latin America and Eastern Europe // Comparative Politics. – 1999. – Vol. 31. № 3. – Pp. 379–401.
12. Подрезов М. В. История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 451. – С. 96–101.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТОВ: ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Прыткова А.О.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, аспирант

kelenjunes@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт в формировании политики социальной ответственности университетов. Выявляются основные